

Небывалые трудности, многообещающие возможности?

Ханс де Вит и Филип Альтбах

Пожалуй, основные явления последних 25 лет в сфере высшего образования — это, с одной стороны, последствия массовизации, происходящей в области образования по всему миру, а с другой — неоднозначный эффект формирующейся информационной экономики, на фоне которой эта массовизация происходит. Мы также наблюдали развитие информационных технологий, включая интернет, искусственный интеллект и многое другое.

Эти сейсмического масштаба сдвиги привели к радикальным переменам и стали источником новых проблем в сфере высшего образования по всему миру. Массовизация привела к распространению частных вузов и к коммерциализации. Глобальная экономика знаний — к укреплению роли английского в качестве языка международной науки, усилению студенческой и академической мобильности, развитию различных форм интернационализации.

При этом надо признать, что не со всеми трудностями высшему образованию удалось справиться. Несмотря на беспрецедентно высокое число студентов, вузы продолжают оставаться одним из источников социального расслоения и неравенства. Во многих странах распространена ситуация, при которой огромное число студентов бросает учебу, а в большинстве регионов существенно возросла стоимость обучения. Высшее образование во всем мире также все чаще сталкивается с проблемами, вызванными ростом национализма и популизма. А университеты в большинстве своем не справляются с задачами, связанными с реализацией их социальной ответственности.

Этот сотый выпуск «Международного высшего образования» посвящен критическому анализу ключевых проблем и перспектив на ближайшее десятилетие.

Оглядываясь назад через призму наших сегодняшних представлений, можно сказать, что, пожалуй, 25 лет назад мы были слишком пессимистичны, хотя и сейчас мы не очень-то оптимистичны.

Мы попросили экспертов поразмышлять на эту тему и, возможно, предложить какие-то решения. Мы также обратились к следующему поколению с просьбой поделиться их взглядами на будущее, объявив конкурс эссе среди студентов и молодых исследователей. Лучшее эссе мы включили в этот номер, а еще четыре будут опубликованы в University World News. Наконец, мы решили воспользоваться этим юбилейным выпуском, чтобы поразмышлять о вкладе журнала в развитие международного высшего образования.

Капитуляция США как лидера международного высшего образования

Юбилейный выпуск позволил нам вспомнить, с чего все начиналось и о том времени, когда мы только создали этот журнал. В самом первом выпуске, вышедшем весной 1995 года, мы писали о том, что Америка сдает позиции в качестве лидера в сфере международного высшего образования. Наш аргумент заключался в том, что «в XXI веке интернационализация необходима для любой системы высшего образования». Нас удивляло, что, «в то время как остальные университеты мира становятся более международными, США недооценивают роль интернационализации в области высшего образования». Мы писали, что «высшее образование — это крупная “экспортно ориентированная отрасль”, которая заслуживает интенсификации, а не сокращения». Мы приходили к выводу, что «откат начался и из-за усиливающейся изолированности, США вскоре начнут отставать от конкурентов; интернационализация высшего образования способствует тому, что мы начинаем лучше понимать остальной мир, а также помогает нам жить в условиях новой международной экономики XXI века, — все это понимают, и американцам тоже надо это понять».

В нынешнем, сотом выпуске, 25 лет спустя, мы могли бы написать все то же самое, практически теми же словами, потому что политическая атмосфера в США стала крайне националистической. Впрочем, ситуация сильно изменилась за последние четверть века. Число международных студентов в США выросло с 450 тысяч в 1995 году до одного миллиона в 2019 году, а международное образование теперь приносит американской экономике более 40 млрд долларов, по сравнению с 7 млрд в 1995 году. Многие университеты разработали собственные международные стратегии, для того чтобы дать студентам возможность учиться за рубежом и познавать культурное разнообразие. С другой стороны, на протяжении этого периода США отставали от большинства стран мира. «Рыночная доля» международных студентов в США сокращалась, равно как и количество американских университетов, входящих в верхушку международных рейтингов. Ухудшилось понимание других культур, языков, обществ и экономик других стран. Так дела обстояли еще до прихода к власти Трампа в 2017 году, но за последние три года ситуация существенно обострилась.

Глядя вперед

Оглядываясь назад через призму наших сегодняшних представлений, можно сказать, что, пожалуй, 25 лет назад мы были слишком пессимистичны, хотя и сейчас мы не очень-то оптимистичны. Описываемые негативные тенденции характерны не только для США — они отражают угрозы, которые встают перед высшим образованием, интернационализацией и академической свободой во всем мире. Несколько авторов этого выпуска пишут о том, как важно, чтобы высшая школа взяла на себя ведущую роль в достижении Целей устойчивого развития ООН, другие — о проблемах автономии и академической свободы, а также о других вопросах, влияющих на будущее высшего образования во всем мире.

Есть ли единая университетская идентичность?

Акиёси Йонедзава

*Акиёси Йонедзава — профессор, заместитель директора Управления по международной стратегии Университета Тохоку (г. Сендай, Япония).
E-mail: akiyoshi.yonezawa.a4@tohoku.ac.jp.*

У всех университетов в мире, за исключением Университета аль-Азхар, общие корни: все они восходят к средневековым европейским университетам. Как подметил однажды Филип Альтбах, любой вуз, претендующий на звание университета, должен представлять собой автономное сообщество ученых, которое не зависит ни от религиозных властей, ни от светских. К сожалению, все, кто знаком с долгой и многообразной историей мировых университетов, понимают, что идея Альтбаха — всего лишь миф. Многие вузы не раз оказывались в кризисной ситуации из-за посягательств на их академическую свободу и автономию со стороны религиозных или светских властей.

В поисках четкой университетской идентичности

В отдаленных от европейской цивилизации регионах, например в Восточной Азии, современная система высшего образования складывалась, развивалась и преобразовывалась начиная с середины XIX века, и этот процесс шел рука об руку с процессом национального становления. На протяжении всего этого периода красной нитью проходила идея о том, что университет — очевидно западная концепция, но что он

должен опираться на восточную интеллектуальную традицию и идентичность. Когда в 1877 году в Японии был создан первый современный университет, в качестве перевода слова «университет» намеренно было выбрано понятие «дайгаку» (大学) — отсылка к Дайгаку-рё, школе подготовки госслужащих, существовавшей до XII века. В 1898 году китайская династия Цин решила преобразовать существовавший тогда традиционный институт подготовки высокопоставленных чиновников в современный университет, назвав его «да сюэ тан» (大学堂); в 1912 году, сразу после установления Китайской Республики, он был переименован в «Пэкин да сюэ» (北京大学). В 1946 году был основан первый университет Южной Кореи — Сеульский национальный университет, причем слово «университет» было переведено как «дэхаккё» (대학교; 大學校) — с четким указанием на то, что это национальный университет, в противовес упраздненному «Кэйдзё Тэйкоку Дайгаку» — императорскому университету, существовавшему в период японской колониальной оккупации. В XIX веке страны Восточной Азии были в поиске, они воплощали модели университетов, навеянные образовательными системами модернизированных западных национальных государств. Все эти «дайгаку», «да сюэ» и «дэхаккё» по-разному осмыслялись и приобретали разную форму в зависимости от языка и исторического контекста, но все эти слова можно перевести обычным словом «университет».

В последние десятилетия укрепление экономики восточноазиатских стран, ставшее возможным благодаря развитию науки и технологий, заставило государственных лидеров и ученых заняться поисками самоидентификации для своих университетов и систем высшего образования, которая отличала бы их от западных и которая отражала бы сходства и различия, наблюдаемые внутри региона. Эта тенденция только усилилась с вхождением ряда восточноазиатских вузов в топ мировых университетов. К примеру, достижения сингапурских университетов, занимающих высокие места в международных рейтингах, показывают, что действительно можно создать университет мирового класса с ярким национальным колоритом. Однако, несмотря на серьезные преобразования, направленные на децентрализацию системы управления университетами, четкого консенсуса по вопросам академической свободы и университетской автономии пока нет.

Ведущие университеты Китая, благодаря огромным инвестициям и привлечению лучших кадров, готовятся занять главенствующие позиции в региональных рейтингах. Соответственно, стратегии и структура китайских университетов во многом зависят от связей между вузовским и партийным руководством и от системной поддержки, которую правительство оказывает передовым университетам и ведущим научным отраслям. Высшее образование в странах, входящих в зону китайского культурно-экономического влияния